

ISSN 2541-8297

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

2020 № 4 (18)

Federal State Budget Institution of Science
A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

LITERATURNYI FAKT
LITERARY FACT

Academic journal

No. 4 (18). 2020

Published since 2016

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

Научный журнал

2020. № 4 (18)

Издается с 2016 г.

Литературный факт.
2020. № 4 (18)

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-8-39>

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 4 (18), 2020

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: 1926–1927 гг. Часть вторая: Были и небыли парижских будней

© 2020, Е.Р. Обатнина

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В статье дано описание нескольких сюжетов биографии А.М. Ремизова 1926–1927 гг., неизвестных по его автобиографической прозе. В эпистолярном наследии, а также в хронике литературной жизни эмиграции обнаружены отдельные события, которые потребовали дополнительной верификации. Предметом исследования стали не только реальные, но и мифические случаи из жизни писателя. В статье впервые рассмотрен эпизод, связанный со встречей Ремизова и Вс.Э. Мейерхольда в период с 1926 по 1930 г., который до сих пор не имел временной фиксации; обнаружено участие К.А. Сомова в издании романа «Взвихренная Русь»; исследованы мотивы литературного поведения Ремизова на страницах эмигрантской прессы; представлены яркие события творческой жизни писателя, который в 1927 г. вслед за другими своими литературными сверстниками мог бы отпраздновать 50-летие со дня рождения и 25 лет творческой жизни, однако чувство литературного одиночества заставило его отказаться от юбилея.

Ключевые слова: эмиграция; литературная критика; литературное поведение; верификация биографических событий.

Информация об авторе: Елена Рудольфовна Обатнина – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: lana.eo@mail.ru

Для цитирования: Обатнина Е.Р. Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: 1926–1927 гг. Часть вторая: Были и небыли парижских будней // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 8–39.
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-8-39>

Статья выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-012-00035.

Простое сведение событий творческой и личной жизни Ремизова в 1926–1927 гг. в упорядоченный список Хроники прекрасно иллюстрирует, в каком ритме проходили дни и труды писателя. В этом подчас вихревом потоке обнаружился ряд неизвестных по автобиографической прозе сюжетов, подтверждающихся эпистолярными документами или сообщениями в печати. Однако свершились ли они на самом деле, остается загадкой. О таких, на первый взгляд, маловероятных, иногда намеренно скрытых под мифической оболочкой, а также неverified историях и пойдет речь.

Два эпизода 1926 г. прошли для Ремизова под знаком возвращения к давнему прошлому. Первый был связан с годами пензенской ссылки (1897–1898). Во всяком случае, о возможности в реальном времени воскресить годы юности писатель узнал из письма Валентина Парнаха. В 1922 г. этот человек синтезированного дарования (поэт, переводчик, пропагандист джаза, хореограф) вернулся в Москву¹, а с октября 1925 г. работал в Париже как сотрудник драматической лаборатории ГосТИМа и помощник Вс.Э. Мейерхольда, подготавливая приезд режиссера-новатора в столицу Франции [5, с. 822–833; 11; 12]. Исполнение прямых обязанностей подвигло Парнаха к письменному сообщению 20 мая 1926 г.:

Многоуважаемый и дорогой Алексей Михайлович,
Приехавшие из Москвы Вс. Э. Мейерхольд и З.Н. Мейерхольд-Райх очень хотели бы повидать Вас и Серафиму Павловну.

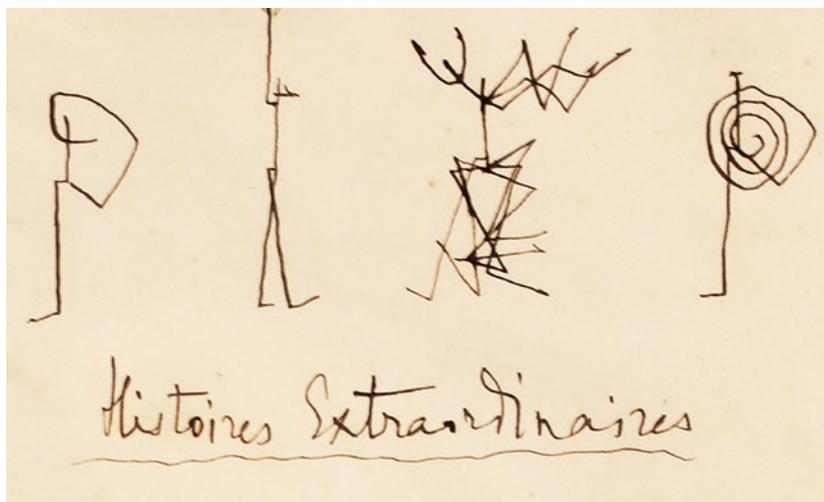
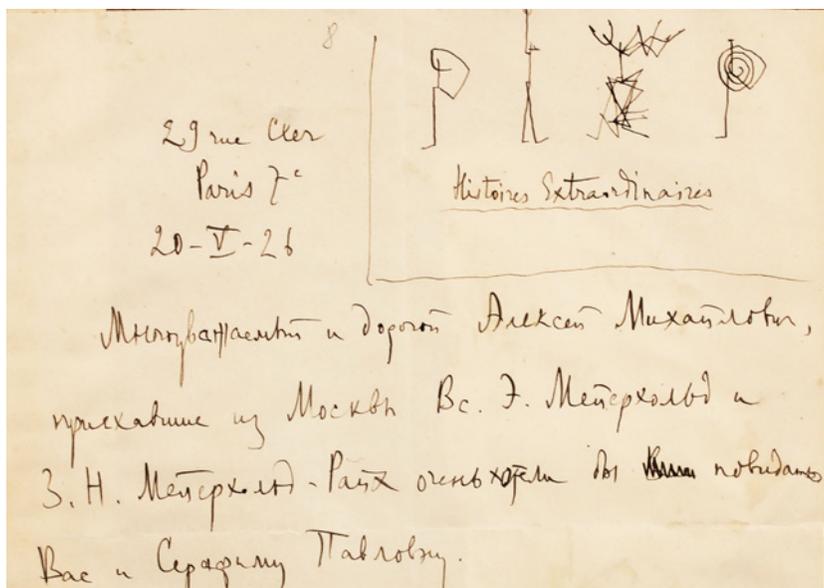
Прошу Вас сообщить мне, когда и где они могли бы встретиться с Вами.

Пользуюсь случаем сказать Вам, что соскучился по Вас и не заезжал к Вам из боязни потревожить Вас. Всеволод Эмильевич, конечно, завален делами и просил меня написать за него целый ряд писем. Мой сердечный привет Вам и Серафиме Павловне.

Ваш Валентин Парнах (Matheus-Müller-Sec)²

¹ Об отъезде Парнаха в Москву в 1922 г. и его письмах Ремизову см.: [16]. См. также упоминание о встречах Ремизова с Парнахом, в частности о его хореографическом этюде «Дохлый танец»: [21, с. 12, 46].

² Amherst College Center for Russian Culture (USA). Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers. Series I. B. 4. F. 4 (далее: Amherst, с указанием шифра).

Фрагмент письма В. Парнаха А.М. Ремизову. 20 мая 1926. Amherst
Fragment of V. Parnakh's letter to A.M. Remizov. May 20, 1926. Amherst

Парнах, по-видимому, посвященный в историю дружбы режиссера и писателя, явно предвосхищал одну из уникальных мейерхольдовских «мизансцен», постановка которой должна была осуществиться не на подмостках, а в реальной жизни. В начале послания он, используя собственную систему записи, схематически

изобразил некий хореографический этюд³, а нижеследующий текст эффектно озаглавил “*Histoires Extraordinaires*”. И правда, свидание на Елисейских полях могло бы стать событием незабываемым, поскольку со времени знакомства героев летом 1897 г. к моменту предполагаемой встречи минуло 29 лет. В ту пору Ремизов, недавний студент-вольнослушатель Московского университета, отбывал ссылку в Пензе и продолжал подпольную марксистскую пропаганду. Мейерхольд, студент Музыкально-драматического училища при Московском филармоническом обществе, сокурсник старшего брата Ремизова — Сергея, приехал в родной город на каникулы. Пензенский Народный театр стал для них местом взаимного обмена знаниями. В 1913 г. уже состоявшийся режиссер, формируя такой «безличностный» документ, как собственное краткое жизнеописание для Биобиблиографического словаря С.А. Венгерова, в ряду важных событий начального периода своего профессионального пути оставил на следующем факте биографии:

...<осенью 1906 г.> поступает на драматические курсы при Московском Филармоническом Обществе <...>. В дни пребывания на драматических курсах знакомится с писателем А.М. Ремизовым, под умственным влиянием которого он продолжает свое самообразование. Под влиянием А.М. Ремизова М. принимается за изучение теории Карла Маркса и увлекается рабочим вопросом⁴.

Однако вскоре политико-экономическое самообразование для обоих друзей было вытеснено страстью к театру. Поэтика символистской драматургии стала предметом тщательного исследования Ремизова, который увлекся идеей создания сценического языка, соответствующего мировоззрению человека культуры нового времени. По признанию Мейерхольда, «умственное влияние» друга сказалось прежде всего на становлении его концепции «новой драмы». Первые опыты сценического воплощения эстетических принципов были осуществлены в плодотворном сотрудничестве двух единомышленников, когда начинающий писатель после освобождения из ссылки в 1903 г. по приглашению молодого режиссера занял место заведующего репертуаром в образованном театре [18].

Известные нам источники, раскрывающие хронологическую канву событий, произошедших со времени получения письма Пар-

³ Парнах создал систему танцевальной записи для собственных хореографических этюдов, которую применял для постановок в ГосТИМе. Подробнее см.: [5, с. 821].

⁴ ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 2363. Л. 9.

наха⁵, не предоставляют сведений, указывающих на то, что весной 1926 г. «экстраординарная история» состоялась.

Среди запланированных Мейерхольдом дел, связанных в первую очередь с организацией гастролей ГосТИМа в Париже, действительно, было трудно найти паузу для дружеской встречи⁶. По нашим предположениям, если таковая и могла иметь место, то буквально «на ходу» 29 июня — во время репетиции труппой С.П. Дягилева премьерного балета Ж. Орика «Пастораль» в постановке Ж. Баланчина, на которую тогда сошелся весь цвет французского и эмигрантского театрально-художественного бомонда. Однако С.С. Прокофьев, встречавшийся в эти дни с Мейерхольдом на званых приемах, а также на упомянутой репетиции дягилевской антрепризы, подробно описал оказавшиеся в его поле зрения контакты режиссера, ни разу не упомянув хорошо знакомого ему Ремизова [19, с. 407]. Из письма Ремизова к Серафиме Павловне следует, что 29 июня он был занят срочной работой, явно не планируя театральной вылазки⁷.

В течение последующих десяти лет Мейерхольд подолгу оставался в Париже, так что возможность повидаться в 1926 г. для старинных друзей была далеко не единственной [12, с. 760–773]. Тем не менее в личной биографии режиссера был памятен приезд 1930 г., когда в нарушение запретов Наркомпроса он привез труппу в Париж [12, с. 762–763]. В театре Монпарнас сыграли два спектакля — «Ревизор» и «Лес» (с 16 по 24 июня; прошло всего 10 представлений, включая генеральную репетицию гоголевской пьесы) [12, с. 763]. «Ревизор» был давней творческой задачей Мейерхольда, к решению которой он готовился с 1908 г., найдя для себя «ключ» к созданию инсценировки в статье Д.С. Мережковского «Гоголь и черт» (1906) [6, с. 298–302]. Июньские гастроли оказались последним выездом Мейерхольда во Францию для демонстрации собственных режиссерских достижений⁸.

⁵ Речь идет о кратком временном отрезке с 20 мая по 5 июня, когда, по всей вероятности, Мейерхольд выехал из Парижа, чтобы прибыть в Москву 7 июня. Уточнение этих дат см.: [12, с. 744].

⁶ В прессе приезд Мейерхольда не афишировался. Только промелькнула заметка «Мейерхольд в Париже»: «Всеволод Мейерхольд находится в настоящее время в Париже. Цель его приезда — желание познакомиться с французскими театрами» (Последние новости. 1926. № 1897, 2 июня. С. 3). Режиссер был уже в Москве, когда на страницах той же газеты напечатали мемуарный очерк П.П. Потемкина «Доктор Дапертутто (Из театральных воспоминаний)» (1926. № 1908, 13 июня. С. 3).

⁷ См. оригинал письма: [15, с. 63].

⁸ В 1933 и 1936 г. режиссер приезжал в Париж как частное лицо, ограничив свои контакты с эмигрантским окружением. См.: [12, с. 771–772].

Такого рода «эпохальное» событие парижской культурной жизни наверняка могло выманить Ремизова из-за рабочего стола. К этому времени уже проявился его творческий интерес к феномену Гоголя, впоследствии в полной мере раскрывшийся в книге «Огонь вещей» (1954). Первые подступы к этой теме обозначились осенью 1929 г., когда в журнале «Воля России» был напечатан очерк «Тайна Гоголя» (№ 8/9). Предположительно именно репетиция «Ревизора» в 1930 г. послужила импульсом к написанию эссе под названием «Ревизор», полный текст которого так и остался в рабочих тетрадях писателя⁹. Здесь, не упоминая имени Мейерхольда, Ремизов впервые высказался категорически против сценического воплощения комедии, театральные постановки которой, как известно, не удовлетворили и ее автора:

«Ревизор» — скучнее пьесы я не знаю, и пусть комические положения, которыми сверкает каждая сцена, скуку ничем не возьмешь.

Это мое чувство с детства, когда нас гоняли на «Ревизора», как гоняли на «Недоросль», по скуке не уступающей «Ревизору».

Я читаю и перечитываю «Ревизора», из строки в строку выговариваю каждое слово и всегда, как новое. Часами готов читать вслух, никогда не соскучусь, но смотреть, как играют на театре...

«Ревизор»! Гоголь от «классической» постановки «Ревизора» покинул Россию — в чужих краях «разгулять свою тоску», а на современную постановку, чем бы он ответил?

«Ревизор» словесно выражен совершенно: не прибавить, не убавить и свой особенный «ревизорный» ритм.

<...> я отвечу за Гоголя: «классическая» постановка или современная — но уж на земле нет больше места, где бы «разгулять тоску».

Трагедия Гоголя, о чем он не догадывался, обвиняя актеров и Россию, эта трагедия в том, что «Ревизор» не воплощается: «Ревизора» можно только читать или слушать, но не смотреть¹⁰.

В автобиографической прозе писателя не запечатлелась ни одна из возможных встреч с Мейерхольдом. И всё же зацепка к интересующему нас латентному сюжету биографии двух друзей нашлась в романе «Учитель музыки», начатом в 1930 г., когда Ремизовы уже

⁹ Опубл.: [22, с. 73]. См. также фрагмент этого очерка, включенный в главу «Ревизор» книги «Учитель музыки» (впервые: Последние новости. 1935. № 5267, 25 авг. С. 3).

¹⁰ Цит. по: [22, с. 73]. Пунктуация оригинала сохранена.

несколько лет как переехали с авеню Моцарт на окраину Булонского леса (3 bis av. J.B. Clément, Boulogne s<ur> Seine)¹¹. Главка «Акробат» повествует о появлении в ремизовском окружении артиста ГосГИМа Зосимы Павловича Злобина (1901–1965). Время и место повествования прямо указывает на начало лета 1930 г. и новое место жительства Ремизовых:

Зосима Злобин весной появился в Париже из Москвы с театром Мейерхольда. И до глубокой осени не оставлял нас, дня и ночуя в нашем Булонском вертепе: наша квартира — под боком лес, из Парижа нарочно приезжают, а нам за дверь и попал [23, т. 9, с. 340].

О парижской же встрече со своим старинным другом Ремизов упомянул лишь однажды и значительно позднее — в переписке с биографом режиссера. В 1952 г. он сообщил:

Про себя скажу, всю мою жизнь я встречал от Мейерхольда участие. Так мы и простились в Париже *за кулисами* <курсив — Е.О.> [6, с. 416].

С учетом другого фрагмента воспоминаний Ремизова, адресованных Елагину, напрашивается вывод, что письмо Парнаха, полученное писателем 20 мая 1926 г., по ряду обстоятельств стало лишь «анонсом» произошедших в последующие годы встреч¹². Однако самая запомнившаяся из них оказалась последней и относится к лету 1930 г., когда Ремизов, вероятнее всего, присутствовал на генеральной репетиции «Ревизора» в театре Монпарнас. В переписке с Елагиным он, зная, что прославленный режиссер расценивал их знакомство в Пензе едва ли не как перст судьбы¹³, и памятью о его

¹¹ В этой квартире Ремизовы жили в 1930–1933 гг.

¹² Единственное подтверждение парижских встреч Ремизова с Мейерхольдом встречается в книге Н. Кодрянской. Однако ее рассказ носит слишком обобщающий характер, поскольку, описывая лето 1955 г., биограф писателя перечислила «знатных гостей» Ремизова в разные годы его жизни в Париже, явно делая акцент на громкости имен. Ср.: «Каких только знатных гостей тут не бывало! Писатели, художники, музыканты — французы и русские: Лев Шестов, Бунин, Шмелев, Замятин, Рерих, Святополк-Мирский, Мочульский, Мейерхольд, Михаил Чехов, Прокофьев, Рахманинов, Цветаева» [9, с. 29].

¹³ Ср. опубликованное в 1929 г. письмо Мейерхольда к его первой жене О. Мунт, также знакомой с Ремизовым: «Его <Ремизова — Е.О.> энергия, его идеи одухотворяют меня, его терпение не дает мне малодушничать. Я чувствую, что если я поведу с ним, снова запасусь энергией, по крайней мере, на год. Да не одной энергией! Вспомни, какой запас знаний дал он нам. Целую зиму мы провели в интересных чтениях, давших нам столько хороших минут. А взгляды на общество,

обращении из лютеранства в православие, предложил лаконичную версию жизненного «сценария» своего друга, в котором ему принадлежала роль первооткрывателя и «миссионера»:

Наша встреча ему новое крещение: в его Гаршиновское мой революционный «максимализм» в «политике», в литературе и театре. С этого всё пошло: и его разрыв с Худож. Театром, и его провинциальные опыты и над Коммиссаржевской, и вступление в партию в 1918 г., и «Ревизор», и — венец — его смерть¹⁴ [б, с. 417].

Обращаясь к описанию второй встречи Ремизова с гостем из прошлого, заметим, что майские дни 1926 г. были наполнены важными и неотложными событиями не только для посетившего Париж Мейерхольда. Литературная работа не допускала промедлений, ведь именно в мае совершилось настоящее «чудо» — нашелся «самоотверженный»¹⁵ издатель для романа «Взвихренная Русь». В Париж приехал основатель нового издательства — композитор Сергей Васильевич Рахманинов. Благодаря его деятельности в окружении Ремизовых, как прежде в петербургские годы, появился художник Константин Андреевич Сомов.

В начале декабря 1923 г. Сомов эмигрировал в США, а в феврале 1925 г. переехал во Францию, где до 1929 г. жил в Верхней Нормандии (Гранвиль), бывая в Париже наездами. Его дореволюционные контакты с Ремизовым были связаны с издательскими планами, касающимися иллюстрирования «заветных» сказок писателя. Издание первой из них — «Что есть табак» в 1908 г. стало раритетным и повлекло за собой создание по заказу В.Н. Рябушинского — представителя династии Рябушинских, банкира, старообрядца — специального списка «Тобака», в исполнении которого объединились талант писателя и каллиграфа с искусством признанного графика¹⁶. С тех пор между ними установились теплые отношения, запечатлевшиеся

а смысл жизни, существования, а любовь к тем, которые так искусно выведены дорогим моему сердцу Гауптманом в его гениальном произведении “Ткачи”. Да, он переродил меня» [2, с. 109–110].

¹⁴ Подразумевается расстрел Мейерхольда 2 февраля 1940 г. в застенках Лубянки.

¹⁵ В издании романа, приводя в конце книги список своих сочинений, Ремизов назвал и неопубликованные «книги, ожидающие самоотверженного издателя» (*Ремизов А. Взвихренная Русь. Париж: ТАИР, 1927. С. [533]*).

¹⁶ См. об этом: [13, с. 68–70].

в переписке петербургских лет жизни. Последний раз они виделись, вероятнее всего, в начале 1921 г. в Петрограде: 20 февраля Сомов был посвящен в «кавалеры обезьяньего знака» и награжден «обезьяньей грамотой», подписанной Е.И. Замятиным и Вяч.Я. Шишковым¹⁷.

В эмиграции давние знакомые впервые столкнулись почти случайно — 19 июня 1925 г. в театре La Gaîté Lyrique, где в тот вечер шел гастрольный спектакль «Русского балета Дягилева». В антракте появился Ремизов, изменившийся образ которого произвел неприятное впечатление на эстета Сомова. В дневнике он со светской двойственностью, позволявшей при личном общении вселять в своих собеседников полную уверенность во взаимной симпатии, записал: «...боже какой урод, весь бритый» [24, с. 486]. Казалось бы, причин для нового сближения не предвиделось, но уже в мае 1926 г. Рахманинов после заказа собственного портрета предложил Сомову оформление марки для инициированного им издательского дела, руководство которым возлагалось на дочерей композитора. Издательство, по своему основному направлению предназначенное под нужды музыкантов-профессионалов, фактически было убыточным предприятием и, скорее, осуществляло меценатскую поддержку деятелей русской культуры в эмиграции. Не случайно владельцы расширили музыкальную спецификацию, сделав в 1926–1935 гг. исключение для девяти произведений художественной литературы [10]¹⁸. Беллетристическим почином Рахманиновых стало издание ремизовского романа «Взвихренная Русь».

Творческая работа над книгой заняла семь лет жизни писателя¹⁹, вобравших фатальные события исторического и личного хронотопа. После романа «Пруд» это было его второе масштабное произведение, начальные главы которого под названием «Временник Алексея Ремизова» появились в печати еще в канун Октябрьского переворота и продолжали публиковаться в петроградских газетах в 1918 г., а затем в берлинском журнале «Эпопея» (1922–1923). Идея летописания грандиозного исторического слома была вложена

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 869. Оп. 1. № 87.

¹⁸ Н. Кузнецова полагает, что воспоминания Н. Плевницкой «Дёжкин карагод» с вступлением Ремизова (Берлин: тип. Бр. Гиршбаум, 1925) были первой беллетристической книгой, выпущенной издательством «ГАИР», не имевшим собственной типографии. Однако известно, что издание состоялось благодаря финансовому обеспечению М. Эйтингона. Участие Рахманинова в этом книжном предприятии не имеет документальных подтверждений. См., в частности, переписку, в которой Плевницкой и изданию ее воспоминаний уделено значительное внимание: [8, с. 16–21].

¹⁹ В конце текста в издании 1927 г. Ремизов проставил датировку: 1917–1924, тем не менее еще в 1925 г. он занимался доработкой романа.

в тщательно выверенный и своеобразный конструкт композиции романа, подобный оркестровой партитуре и вызвавший в восприятии сверстников Ремизова однозначное определение жанра этого произведения — «эпопея»²⁰. Однако уникальность ремизовской композиции состояла в сведении полифонического звучания к лирическому голосу авторского «Я», сохранявшего идентичность реального образа писателя и его основной философской темы — человек перед лицом Судьбы. Философическое сопряжение мизерабельности человеческой воли и ошеломительного размаха катастрофы вызвало самые противоречивые мнения о художественных приемах Ремизова в профессиональных кругах. Неизвестно, оценил ли Рахманинов музыкальность новаторского по своей форме произведения, но 28 мая 1926 г. состоялась встреча издателей с автором и приглашенным для создания книжной марки художником. Между тем Сомова заказ не привлекал, не чувствовал он и внутренней необходимости к возобновлению старых творческих связей. Вечером того же дня Сомов записал впечатления:

Сераф<иму> Павловну еще больше раздуло. А<лексей> Мих<а-
лович> чрезвычайно уродлив, до невозможного, и такой же кривля-
ка. Не видал их лет 10 <sic!>, им не обрадовался. Издательство будет
называть <sic!> «ТАИР» = Татьяна и Ирина. Надо сделать виньетку,
нехотя <sic!> [25, с. 165].

2 июля художник снова приехал в Париж с намерением обсудить с Ремизовым оформление будущей книги. Однако визит был сорван непредвиденными обстоятельствами, о которых Сомов, вероятнее всего, так и не узнал. В тот же день ему пришлось письменно адресовать свои вопросы по оформлению книги:

Дорогой Алексей Михайлович, очень жаль, что в этот мой приезд в Париж не удалось повидаться с Вами обоими. Буду опять здесь около 15-го и тогда, надеюсь, наше свидание состоится. А пока о виньетке: как решили писать «Таир», с твердым знаком, или без него? Какой окончательный размер печатной страницы и какая будет надпись (т.е. заглавие книги и все прочее) на титульном листе. Это чтобы знать, сколько места оставить на странице для книжной марки. Т.к. я просил Вас и С<ергея> Вас<ильевича> держать мое участие в секрете, хочу просить еще Вас, позвольте мне обращаться

²⁰ Кульман Н.К. Новая эпопея // Возрождение. 1927. № 779, 21 июля. С. 5.

и впредь только к Вам, а не к <М.А.> Струве²¹. Я был всё это время чрезвычайно занят спешной работой, потому до сих пор не мог начать работу для Таира. Напишите окончательный срок, когда надо было бы сдать виньетку. Я ее Вам пошлю. <...>

Искренне Ваш К. Сомов²².

Причастность Сомова к оформлению издательского знака для Рахманиновых, похоже, действительно, сохранялась в глубокой тайне, так что эта биографическая подробность, которой сам художник мало дорожил, считая знак «проходным» заказом, оставалась до недавнего времени надежно спрятана в его неопубликованных дневниковых записях. Выполнив заказ, 26 июля он записал, досадуя сам на себя:

Сегодня сделал книжную марку «ТАИР». Делал ее с омерзением, и вышла она мерзкая. Но делать вновь не стану. Ни Ремизов, ни Рахманинов ничего не понимают и будут, вероятно, довольны. Поидет она совершенно незаметно, без имени моего даже [25, с. 206]²³.

*Марка издательства «ТАИР» работы К.А. Сомова (1927)
TAIR publisher's mark by K.A. Somov (1927)*

Причина, по которой отложилась важная встреча, представляет собой отдельный эпизод биографии писателя. В разгар душевного парижского лета 1926 г. случилось чрезвычайное событие: 1 июля Ремизов попал под автомобиль. Серафима Павловна в это время находилась на курортном лечении в Виши. Тем острее потерпевший воспринял событие, напомнившее о всевластии судьбы, в одно мгновение способной непоправимо изменить ход и без того неустроенного человеческого существования. В тот же день в письме Серафиме Павловне он, ни словом не выдав свое тяжелое состояние, сообщил о срочных делах:

²¹ Издательство ТАИР не имело собственной типографии, набор и печать книги осуществлялась в парижской типографии под руководством М.А. Струве.

²² Amherst. Series. 1. В. 4. Ф. 9.

²³ Ср. также запись от 5 августа, где упоминается получение письма от Ремизова, который остался «доволен книжной маркой» [25, с. 211]. Встречи с Сомовым продолжались и в 1927 г. [25, с. 377–378].

...книга «Взв<ихренная> Русь» набрана вся. Теперь как-то в машину. И пришлют корректуру. Большая работа!²⁴

Через несколько дней перед приемом у доктора было составлено подробное описание «аксидана»²⁵:

Показание безвинно пострадавшего — доктору А.О. Маршаку

“J’ai eu bien peur l’autre jour.

Je vous ai vu sous l’auto et je vous croyais mort sur le coup!”²⁶

(Трамвайная билетчица № 25).

1 Июля в 3 часа дня я ждал трамвая № 25 ехать к St. Sulpice, я стоял на остановке — на углу Rue d’Auteuil и Rue Michel Ange. Когда трамвай подходил к остановке, автомобили, догонявшие трамвай, замедляя ход, приостанавливались и я, глядя влево, на эти автомобили, пошел с тротуара к трамваю —

(какой-то автомобиль ехал по неуказанному направлению на остановившиеся автомобили справа от меня и не сигнализировал, я не слышал и его не видел!)

всё глядя влево, я подходил к трамваю и совсем неожиданно ударило меня в правое плечо, я оглянулся и увидел огромный движущийся вперед автомобиля <sic!> и подумал: «как же это автомобиль с этой стороны?» — и в то же мгновенье почувствовал, как много огромных (серых) рук «неодолимых» меня валят и с ощущением «неизбежности», досадуя, я упал на спину и увидел перед собой, около самого носа, стальную перекладину между колес — «конец!» подумал и слышу со всех сторон крики —

(автомобиль остановился)

Я выпростал ноги и поднялся. Мне сразу же больно было и тут в спине, и правую руку. Я подошел к автомобилю: там господин и дама. Господин сконфуженно: “Excusez-moi...” (и еще что-то). Я ему по-русски: «чего Ты не кричал?» Тут какой-то сует мне бандероль с адресом: “Mr. Julliard, 38 Rue des Perchamps” — он — хозяин автомобиля, и чтобы я шел в аптеку! Подошел ажан. И этот Жуйяр и ему, что хозяин автомобиля он. Я пытался сказать ажану,

²⁴ См. оригинал письма: Наст. изд. С. 80.

²⁵ От “accident” (*франц.*) — происшествие, несчастный случай. Ср. название главы в рукописи «На вечерней заре»: Наст. изд. С. 41.

²⁶ Я тогда страшно испугалась. Я увидела вас под автомобилем и подумала, что вы мгновенно погибли! (*франц.*).

но у меня пропал голос и слов не было: кроме русских, немецкое “ausgeschlossen” и испанское «Примо де Ривера»! — а кругом крик и, мне показалось, (невероятно!) аплодисменты, как на представлении уличного Петрушки. Трамвай тронулся. Видел, как Жуйяр и с ним другой черный, чего-то кричавший, вскочили в трамвай. Автомобиль — тот господин с дамой — поехал. Я пошел домой²⁷.

Потрясение, пережитое в день автомобильного наезда, Ремизов в скором времени вписал в канву повести «По карнизам» как доказательство хрупкости жизни, управляемой тайными силами «неодолимой неизбежности», с которыми противоборствуют «чудесные» помощники, в меру своих сил ограждающие человека от бедствий (главка «Конец»). Копия объяснительной записки была дополнена вклейкой художественного фрагмента с описанием параллельных событий, происходивших в мире «четвертого измерения»: в тот самый момент, когда писатель упал от удара наехавшего на него автомобиля, невидимые герои бросились на помощь своему другу:

А за мной гномы и цверги, эспри и гешпенсты:
они помогли идти мне, подпирая своими
лапочками и хвостиками. Их никто не видел.
Я слышал, как они перекались друг с другом.
«Почему, — говорил один в колпачке другому,
— хвоста тебе что ли жалко: подсунь ты ему хвост под спину,
и не было бы больно!» Да я ж под голову лапы подсунул, —
оправдывался колпачку семипалый карлик,
— хвост у меня был занят шляпой» и т. д.)²⁸

Через две недели уличное происшествие, о котором знал очень узкий круг друзей (Л.И. Шестов, П.П. Сувчинский, С.В. Познер, Л.И. Львов, Н.В. Резникова-Чернова), вдруг стало склоняться на страницах эмигрантской прессы. 14 или 15 июля в парижской газете «Дни» появилась заметка, впоследствии подклеенная Ремизовым к сохранившемуся тексту письма Серафиме Павловне от 1 июля, в которой этот случай получил неожиданную интерпретацию²⁹.

²⁷ РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 4. № 13. Л. 13–14.

²⁸ Там же. Ср. текст главки «Конец»: [23, т. 11, с. 554–555].

²⁹ См. публикацию оригинала письма: Наст. изд. С. 80–81. Выходные данные газеты не уточнены по недостатку комплекта «Дней» в библиотеках Санкт-Петербурга. Ср. недатированную открытку переводчика И. Руоффа: «Дорогой Алексей Михайлович, в “Днях” прочитал, что Вас “придавили”, но что, к счастью,

А.М. Ремизов. Июль 1926, Париж. С надписью рукой Ремизова: «После “аксидана”
Из-под автомобиля», с ошибочной датировкой: *Paris 1927. ИРЛИ*
А.М. Remizov. July 1926, Paris. With an inscription by Rremizov: “After the ‘accident’
From under the car”, erroneously dated: *Paris 1927. Pushkin House*

Берлинский «Руль» дословно воспроизвел информацию парижской хроники:

Писатель А. Ремизов написал новый рассказ «Покажу вам дьявола». В этом рассказе есть строки: «И когда после страдных дней (очень странных) в дождик упаду где-нибудь под забор (или автомобилем раздавит)».

На следующий день после сдачи рассказа в редакцию «Воли России» А. Ремизов попал в Париже под такси, к счастью, отделавшись легкими ушибами³⁰.

Заметка ревельской газеты «Последние новости», помещенная в рубрике «Мировая жизнь» в тот же день, преподносила события с небольшими вариациями:

— С писателем А. Ремизовым, живущим, как известно, в Париже, произошел на днях <sic!> необыкновенный случай несколько мистического свойства. А. Ремизов приготовил к печати сборник своих рассказов, в одном из которых есть такие строки: «И когда после страдных дней (очень странных!) в дождик упаду где-нибудь под забором (или автомобилем раздавит!)»... и т.д. На следующий же день после сдачи рукописи в редакцию «Воля России» А. Ремизов действительно попал на улице под автомобиль, по счастью отделавшись легкими ушибами³¹.

Отсрочку сообщений в две недели мы можем объяснить только вольным или невольным участием самого Ремизова. Дело в том, что не позднее 12 июля С.В. Познер порекомендовал писателю обратиться к адвокату П.М. Тагеру для оформления денежной компенсации, необходимой для лечения полученных в аварии травм³². По-видимому, не лишним показалось и оповещение о событии в газетной хронике. Однако для весьма устаревшей информации потребовалась литературная оболочка, которую даже выдумывать не пришлось, нужно было лишь сместить последовательность событий. Такой прием указывает на стиль опытного мифотворца. Как можно убедиться по содержанию письма Ремизова Серафиме Павловне,

всё обошлось без опасных повреждений. Надеюсь, всё обойдется благополучно» (Amherst. Series 1. B. 4. F. 6; открытое письмо со стертým п.ш.).

³⁰ Руль. 1926. № 1707, 16 июля. С. 4.

³¹ Последние известия. 1926. № 155 (1878), 16 июля. С. 3.

³² Amherst. Series 1. B. 4. F. 5.

окончательная авторская редактура цикла из пяти миниатюр под названием «Покажу вам дьявола», созданная на основании редакции этих же текстов в 1913 г.³³, была завершена 29 июня, кстати, в тот самый день, когда по нашим предположениям, Ремизов мог бы повидаться с Мейерхольдом. Примечательно, что, сообщая о текущих делах, писатель упомянул не только о срочной работе для пражского журнала, набор и печать которого осуществлялись с 1926 г. в Париже, но и о договоренности, по которой сотрудники редакции (В.И. Лебедев или Л.В. Россель) должны были забрать рукопись 2 июля³⁴. Таким образом, без излишних сомнений можно утверждать, что Ремизов еще вечером злополучного 1 июля, страдая от полученных травм, внес в концовку заключительной «молитвы», в редакции 1913 г. называвшейся «Прекрасная пустыня», отголосок пережитого, вписав совсем маленькое дополнение в скобках: *или автомобиль раздавит!* В контексте лета 1926 г. пассаж, очевидно, воспринимался самим писателем как суммирующий всю череду предшествующих огорчительных событий весны — лета, связанных с журналами «Благонамеренный» и «Версты» и с началом «похода» против него З. Гиппиус³⁵. Именно этот период он назвал «страдными днями» и расценил дорожно-транспортный инцидент как злополучное разрешение нагнетающихся угроз судьбы. В середине месяца, когда появились заметки о ремизовском мистическом предчувствии, двоянный номер «Воли России» еще не вышел из печати, так что о содержании ремизовской публикации репортеры могли узнать либо из редакции газеты, либо от самого автора. Когда же цикл «Покажу вам дьявола» дошел до читателя, неожиданный для контекста «автомобильный» пассаж уже приобрел звучание авторских предчувствий:

— — в мире есть много несчастных — оскорбленных, неутешных — несчастных! Горек мир — горяча тоска! Если утешу — твой свет! — свет во мне — свет от тебя. — И когда после страдных дней (очень странных!) в дождик упаду где-нибудь под забором (или автомобиль раздавит!), ты придешь — ты примешь на свои руки — ты — ты и меня не покинешь. И твои глаза будут близко — и я уйду

³³ Печатная история текста без упоминания исследуемых нами разночтений расписана в комментариях: [23, т. 14, с. 559].

³⁴ См. оригинал письма: [15].

³⁵ Подробнее см.: [15, с. 23-50]

за тобой (легко мне!) всем сердцем желая — (благословляю мир!) — прекрасная пустыня, любимая мати!³⁶

Между тем газетная хроника, действительно, встревожила друзей, разъехавшихся на лето из Парижа. С Лигурийского побережья Италии отозвался Михаил Осоргин, который реагировал на распространявшиеся слухи в своей манере легкого подтрунивания:

Дорогой Алексей Михайлович,

Мне пишут из Парижа, что Вас угораздило попасть под автомобиль и что Вас все поздравляют. С чем? С тем, что Вы попали, или Вы премию получите? Желаю вам получить одновременно и нобелевскую. Раз все — поздравляю и я. <...> Примите мой привет. Я, право, напугался, получив письмо о вашем приключении; газет не получаю, — может быть в них описано. Цел ли автомобиль?³⁷

Вполне вероятно, что писатель мог использовать газетную хронику, например, для практических задач, возникших с попыткой оформить страховку на лечение³⁸, или для управления механизмами рекламы собственных произведений, стремясь оставаться на пике читательского внимания. Единственное, что могло его остановить, — это опасение за покой и здоровье жены³⁹, однако газет она не читала, а контакты с парижскими друзьями, которые могли выразить ей сочувствие, на время поездки были приостановлены, потому что Ремизовы, как обычно, вынужденные время от времени обращаться за поддержкой в Комитет помощи писателям и журналистам, избегая пересудов недоброжелателей, скрывали лечение Серафимы Павловны на дорогах курортах. Примечательно, что из

³⁶ Ремизов А. Покажу вам дьявола // Воля России. 1926. № 6/7. С. 52.

³⁷ Amherst. Series 1. В. 4. Ф. 6. Шутку Осоргина Ремизов оценил и даже воспроизвел в письме Л. Шестова [17, с. 161].

³⁸ Ср. письмо Шестова от 21 сентября 1926 г.: «Видел сегодня Ремизова. Бедолага до сих пор не оправился после истории с автомобилем: боится на улицу выходить. Он надеялся, что ему, по крайней мере, заплатит страховое общество, и можно будет отдохнуть и подлечиться. Но его расчеты не оправдались: он не получит ничего, и опять ему придется мучиться, как прошлую зиму» [8, с. 127].

³⁹ Ср. письмо Ремизова П.П. Сувчинскому от 4 июля, в котором он, описывая собственное состояние, реагировал на естественные предложения уведомить о случившемся супругу писателя: «Серафиме Павловне *не надо писать* <выделенные курсивом слова подчеркнуты трижды. — Е.О.>, она вернется 15-го. И к этому времени я буду в своем виде. Хотя на месяц, по крайней мере, я выбит (или отбит). На мне нет живого места: все в ссадинах, синяках и кровоподтеках. Но я жожу, и лицо не тронуто. Писать мне трудно: очень рука ушиблена» (Bibliothèque nationale de France. 39609744).

последующих редакций молитвенного текста, обращенного к матери Прекрасной пустыне, «автомобильный» фрагмент бесследно исчез.

Заметка о провидческих предчувствиях вполне вписывалась в образ литературного поведения Ремизова, который именно в 1926 г. стал использовать сугубо в своих интересах широкий спектр возможностей периодической печати. Весной и летом в журналах «Благонамеренный» и «Воля России» впервые появились его рецензии на современную книжную продукцию. В ряду откликов, посвященных изданиям на русском и иностранных языках, он также разместил заметки о своих книгах и выступлениях в печати, что было отмечено ироническими обозревателями новых изданий⁴⁰. Так, буквально взяв в руки создание литературной репутации, писатель нашел путь для рекламы собственных произведений и оригинальный способ выражения личной рецепции текущего литературного процесса.

Апогея эта тенденция достигала в пражском молодежном журнале «Своими путями», где по инициативе писателя был открыт раздел критических реплик под названием «Цапля»⁴¹, недвусмысленно критически обращенный к эмигрантскому литературному дискурсу. Само по себе название рубрики выдавало колорит, присущий исключительно ремизовской лексической выразительности. Мишенью писателя, печатавшегося анонимно, стали высказывания известных литераторов в эмигрантской прессе, в которых отмечались и выправлялись фактические неточности, спорные случаи словоупотреблений и стилистические погрешности. В полемику с безвестным критиком вступил И.А. Бунин, отслеживавший любые новые и опасные явления в эмигрантском ландшафте, способные нарушить монолит непримиримости эмигрантского общества к советской России. В газете «Возрождение», защищая высмеянный автором «Цапли» псевдонародный стиль воззваний великого князя Николая Николаевича⁴², авторитетный прозаик, признанный мастер художественного

⁴⁰ См. рубрику «Выступления в печати» в списке публикаций Ремизова за 1926 г. [1], а также статью с иронической оценкой ремизовского авторецензирования: *Осоргин Мих.* Дядя и тетя. [Рец. на:] «Благонамеренный». Книга 2-я. Брюссель, 1926 // Последние новости. 1926. № 1863, 29 апр. С. 2–3.

⁴¹ Своими путями. 1926. № 12/13. С. 48–49. Значение заголовка рубрики восходит к словарю В.И. Даля, где указывается тверское употребление этого слова для обозначения «придирчивого и привязчивого человека».

⁴² Там же. С. 49.

литературного языка, адресовал свою отповедь всей редакции, зараженной, по его мнению, советской идеологией, назвав сотрудников журнала «комсомольцами»⁴³. Эта пикировка позабавила редактора М. Слонима. В ответной статье, изобличающей политические мотивы критики Бунина, он намекнул на далеко не «комсомольский» возраст автора «Цапли», который в противовес «мертвому» дидактизму непререкаемых авторитетов внес в журнал живую творческую энергию, нашедшую отклик среди молодежи⁴⁴.

В исследовательской литературе анонимные печатные выступления Ремизова, как правило, интерпретируются его склонностью к «мистификациям» и всякого рода «безобразиям» [4; 26]. Однако, если снять случаи, мотивированные весьма скромными гонорарами «за строчку», истинные интенции писателя затрагивали болевые точки эмигрантской литературной ситуации вообще и его личного творческого пространства, в частности. Эпатирующие печатные «выходки» являлись своего рода раздражителями распространенной инертности, вследствие которой новые тенденции оставались незамеченными на фоне усредненного художественного повествования и благообразного литературного поведения. Именно таким, на первый взгляд, бессмысленным эпатажем стала заметка Ремизова о самом себе, опубликованная без подписи в рубрике «Календарь писателей», выпуском которой в газете «Последние новости» заведовал молодой журналист Я.С. Цвибак, печатавший собственные литературные труды под псевдонимом Андрей Седых.

Утром 4 июля читатель, развернувший очередной номер «Последних новостей», мог вполне безразлично пробежать глазами анкетные заметки известных писателей на заданную тему «Как я проведу лето». Однако в ряду ответов Бунина, Зайцева, Шмелева, Минцлова, Ходасевича, Осоргина и Тэффи, упоминавших свои летние пристрастия к отдыху на Лазурном берегу Приморских Альп или на Атлантике в Бретани, внимание навряд ли прошло мимо довольно обширной реплики Ремизова. Не скрывая, а даже демонстративно заявляя о сотрудничестве с «евразийскими» друзьями, связи с которыми, как мы помним, уже были подвергнуты остракизму в критике Гиппиус, писатель поделился разнообразными планами путешествий и творческими замыслами:

⁴³ Бунин Ив. «Своими путями» // Возрождение. 1926. № 415, 22 июля. С. 3.

⁴⁴ Слоним М. Литературные отклики. Бунин-критик. Антон Крайний и Зинаида Гиппиус. О «Верстах» [№ 1]. [Рец.] // Воля России. 1926. № 8/9. С. 89–90.

...Мало бы что думается, да не всё скажется, а того меньше сбудется. Говорят: В Софию! — бугомильские <sic> апокрифы по рукописям. А другие: из Амстердама прямой путь в Ригу, а из Риги под Псков, русское лето, по-русски, как возвращаться, морошка поспеет. А небезызвестные Федор Грешищев и Алексей Очкасов организуют поездку «в летние туры»: П.П. Сувчинский об Евразии «Смысл, понятие, и история», кн. Д.П. Святополк-Мирский «Вступительное слово», а мне отрывки читать: «Житие протопопа Аввакума», «Балду» Пушкина, «Полунощников» Лескова да «Цыганское» Сельвинского. А пропало дело, залетую в Париже!⁴⁵

Всё содержание публикации было построено на игре реалиями и выдумкой: подлинные имена современников создавали эффект достоверности, так же как и упоминание «небезызвестных» лиц, этих фантомных героев ремизовского художественного мира, поскольку имена лученина Федора Очкасова и московского подьячего Федора Грешищева писатель извлек из древнерусских грамот XVI–XVII вв.⁴⁶ Сдается, что основной эпатажирующий расчет заключался в объявлении о мифической поездке через Латвию в псковскую область — западное порубежье России. Как ни странно, шутка вскоре получила наивный отклик журналиста одного из русскоязычных изданий латвийской периодической печати. Подписавшийся криптонимом И. Б–в. в статье «Про политику, культуру и этнографию: Письмо из Латвии» уделил значительное внимание плану писателя, совершенно серьезно напомнив всем, собравшимся вслед за Ремизовым, что «русских путей» в бывшую Латгалию нет: требуется «здесьний» паспорт⁴⁷.

Как видим, ремизовский творческий настрой в 1926 г. приобрел тенденцию отнюдь не к самообороне, а, скорее, к наступательной тактике. Несмотря на общественную индифферентность, его литературное поведение выдавало в нем стойкого сопротивленца, не зависящего от критики и разного рода редакционных регламентаций, руководствующихся идеологическими и эстетическими критериями. Задачей лета 1926 г. Ремизов поставил пробить стену непонимания и запретов по отношению к специфическому документализму его автобиографической прозы, героями которой наряду с вымышленными персонажами становились реальные представители современного окружения писателя. Не менее запретным стал и активно эксплуа-

⁴⁵ Последние новости. 1926. № 1855, 31 мая. С. 3

⁴⁶ См. также наш комментарий к рукописи «На вечерней заре»: Наст. изд. С. 66, примеч. 55.

⁴⁷ Последние новости. 1926. № 1920, 4 июля. С. 3.

тируемый им жанр «снов», нередко «выставлявший» известных писателей в самых абсурдных ситуациях. Снежный ком накопившихся негативных суждений в адрес экспериментальной практики Ремизова уже к весне 1926 г. стал настолько весомым, что в некоторых вполне дружественных редакциях, во избежание протеста невольных героев ремизовских фантазий, к рукописям писателя даже начали применять инструменты цензурирования⁴⁸. «Трибуной» для защиты жанра «снов» послужил новый сатирический журнал под равноценным «Цапле» названием «Ухват». Первый номер этого издания, образованного Дмитрием Кобяковым, непризнанным в Париже поэтом и прирожденным возмутителем литературного спокойствия, вышел в апреле 1926 г. Причастность Ремизова к формированию «Ухвата» заподозрила Гиппиус, которая после расправы над журналом князя Д.А. Шаховского «Благонамеренный», готовя афронт «Верстам», ожидала от «тишайшего» Алексея Михайловича новых кунштюков, идущих вразрез с признанными правилами литературной нормы и политической благонадежности. В письме к Н. Берберовой от 13 июля она настороженно пыталась прозондировать идеологические «корни» нового «Сатирикона»⁴⁹: «Не понимаю закулисной стороны “Ухвата”. Не можете ли меня информировать?» [3, р. 3]

Ремизов предчувствий Гиппиус не обманул: уже 20 июля на страницах упомянутого журнала он от своего имени опубликовал «послание» под красноречивым заголовком «Книжники и фарисеи», в котором, облекая в ироническую форму право на самовыражение авторского «Я», обращался к профессиональному цеху:

Гонение на употребление знакомых мне совершенно непонятно. Вы только подумайте! Д.С. Мережковский с начала революции (вот уже десять лет на носу!) Тутанкамоном упражняется⁵⁰; М.А. Алданов на князьях и графах собаку съел, треплет всяких Зубовых и в ус не дует, — и ничего, пропускают! А мне — нельзя помянуть С.В. Познера! А чем виноват Познер, что он не «фараон» и не «граф» и никакая придворная птица?⁵¹

Алексей Ремизов

⁴⁸ Подробнее о подобного рода случаях см.: [14].

⁴⁹ Литературно-художественный журнал сатиры и юмора (СПб., 1908–1914; ред. А.А. Радаков, А.Т. Аверченко).

⁵⁰ Речь идет о романе Мережковского «Рождение богов. Тутанкамон на Крите» (1924).

⁵¹ Ухват. 1926. № 6, 20 июля. С. 11. Подробнее о ремизовском противостоянии критике см.: *Обатнина Е.Р.* Ремизов в борьбе за «сон»: материалы к творческой биографии // Русская литература. 2021. № 1 (в печати).

Тактика писателя приобретала особую актуальность в преддверии выхода в свет романа «Взвихренная Русь», в архитектонике которого «сном» была отведена конструктивная функция повествования.

Заканчивался 1926 год. В декабре неожиданно наметилась возможность выпустить в свет книгу «Оля». Этому произведению писатель придавал значение важного творческого итога. Повесть образовала вторую часть жизнеописания героини Оли Ильмёновой, начатого рассказами о ее детстве в книге «В поле блакитном». Теперь юная курсистка — личность, наделенная глубоким нравственным чувством и непосредственной детской религиозностью, — выбирает путь революционной борьбы. В отличие от последних творческих экспериментов Ремизова, прозрачный художественный стиль новой книги был встречен критикой весьма благосклонно, а в отдельных случаях восторженно. Внешне создалось впечатление, что писатель, наконец, отказался от своих новаций, ориентируясь на примеры классического повествования. Автор одной из рецензий даже заметил: Оля — «смелая и сильная, такая непохожая на Ремизовских героинь»⁵². В действительности все события повести, как и ее центральный персонаж, создавались по дневникам С.П. Ремизовой-Довгелло. Оля Ильмёнева, в сущности, являлась литературным отражением не только натуры, но и речевой манеры жены писателя, а само произведение было своего рода опытом «соавторства» супругов⁵³.

Печатная судьба повести устроилась как будто сама собой: издать книгу на собственные средства вызвался молодой друг Ремизовых, поэт Владимир Диксон, искренность и природная одухотворенность которого была чрезвычайно близка Серафиме Павловне [20, с. 49]. Тогда же было придумано название издательства — «Вол», а Серафима Павловна предложила символическое изображение для книжной марки. Ее наивный рисунок, как и дневниковые записи, послужившие прототекстом повести, Ремизов мастерски перевел в художественную форму. Отправляя получившийся логотип издателю, 15 декабря он писал:

⁵² В.Б. <Вл. Бранд>. Алексей Ремизов. Оля. Изд. Вол. Париж. 1927. [Рец.] // За свободу! 1928. № 137 (2469), 17 июня. С. 6.

⁵³ Подробнее историю текста см. в комментариях В.Н. Быстрова: [23, т. 15, с. 655–663].

Дорогой Владимир Васильевич.

Посылаю Вам «вола»: узнаете? Чья работа?

Хороший вол вышел. Покажу Пуни⁵⁴.

М<ожет быть>, буквы над черным. Зачернил. Да, лучше.

В<оля> Р<оссии> № 11 уже лежит у меня. <...> Было чествование Зайцева, на котором, как прочитал в газетах, всё лакейство было представлено. И всё ничего.

Пишу Вам на бумаге из “Die Drei”⁵⁵ и «вол» нарисован» на их же письме. Хорошая бумага.

<подпись-монограмма>⁵⁶

Уже через два месяца (27 февраля 1927 г.) из типографии пришло сообщение о готовности набора к печати, однако дело по неизвестным, вероятнее всего, финансовым причинам встало; тираж получили только на первой неделе июня. Серафима Павловна осталась верна своему правилу — не вторгаться в литературное творчество мужа даже в качестве автора эскиза издательской марки; в результате имена оформителей обложки были скрыты под общим псевдонимом *В.Н. Скоропадский*. На форзаце свежееотпечатанной книги Ремизов написал посвящение, как он считал, истинному автору «Оле»:

В этой книге всё: содержание, отдельные слова и целые фразы — твоё, деточка <...> Во всем моя только обрисовка. А м<ожет> б<ыть> если бы ты сама писала, вышло бы всё вразумительнее <...>. Хоть что-нибудь сохрани в этой книге из твоей жизни⁵⁷.

В самом конце 1926 г. был отпечатан тираж романа «Взвихренная Русь», часть авторских экземпляров тут же разослали по списку избранных получателей. В первый день нового года В.В. Руднев, редактор литературного отдела журнала «Современные записки», спешил выразить свои впечатления:

1 января 1927

Дорогой Алексей Михайлович!

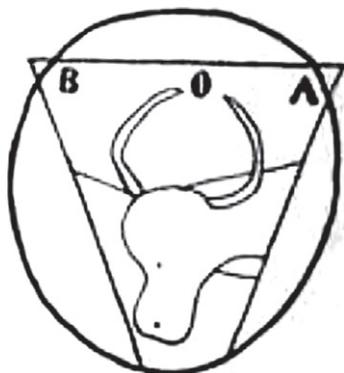
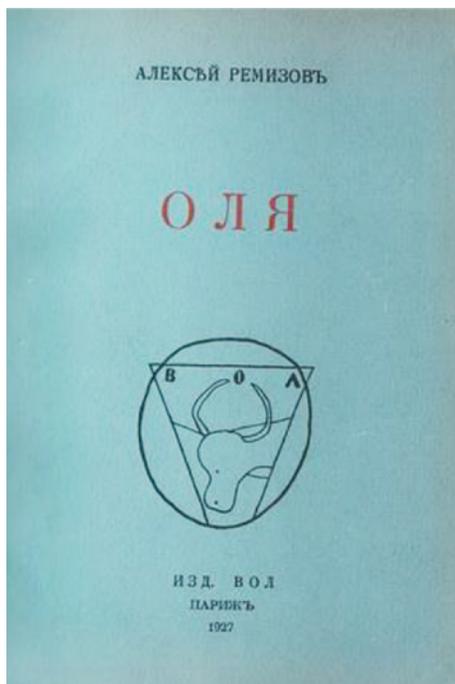
Очень Вы нас обрадовали, Веру Ивановну и меня, своим подарком. И милое внимание Ваше очень нам дорого, и книга сама по

⁵⁴ Художник Иван Альбертович Пуни в 1924 г. переехал из Берлина в Париж.

⁵⁵ Журнал “Die Drei” издавался в Штутгарте в 1921–1931 гг.

⁵⁶ Amherst. Series. 1. B. 11. F. 3.

⁵⁷ ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. № 119.

*Обложка повести «Оля»
(Париж: Вол, 1927)
с издательской маркой работы
С.П. Ремизовой-Довгелло
и А.М. Ремизова
The cover of the book Olya
(Paris, Vol, 1927) with the
publisher's mark by S.P. Remizova-
Dovgello and A.M. Remizov*

себе совершенная удивительная. Радуюсь за читателей тому «чуду», которое помогло ей выйти в свет.

Не знаю даже, что удивительнее, — изумительная ли художественная форма Вашей «Руси», или проникающий ее редчайший в наше душное время пафос духовный особого рода, — поднимающий душу *над* Злом мира сего, — и потому освобождавший ее от Злобы в самой себе. <...>. Вспоминаю недавний разговор с Вами в тихий вечерний час на ту же тему, и радуюсь. Хочется поскорее Вас повидать <...>.

Душевно преданный и любящий Вас

Вадим Руднев

P.S. Как вы думаете, кому бы поручить отзыв о «Взв<ихренной> Руси» в «Совр<еменных> Зап<исках>»? Осоргину?

P.P.S. Особенно меня потрясла «Вечная Память»⁵⁸, — я ее раньше не читал. До чего всё это идет от души к душе, — и как адекватно нашей русской трагедии!⁵⁹

⁵⁸ Речь идет о главке «К звездам: памяти А.А. Блока».

⁵⁹ Amherst. Series. 1. В. 4. F. 10.

Роман не оставил равнодушными литературных оппонентов Ремизова. В ряду критических откликов, признавших его несомненный творческий успех, нередко были голоса ревнителей устойчивых литературных традиций, не признававших ни полифонического композиционного построения, ни высокого драматизма лирического переживания, выраженного в разнообразии жанров — от снов и личного дневника до поэмы «в духе» Гераклита и народного плача. Очевидно, многих не удовлетворила позиция автора, отказавшегося от суда и проклятий, обращенных к большевистской России; неубедительной показалась им и концовка романа, оставляющая надежду на будущее разрушенной страны.

Упомянутое Ремизовым в декабрьском письме Диксону чествование 25-летия творческой деятельности Б.К. Зайцева отмечалось с размахом: банкет, собравший литературный русский Париж за праздничным столом, торжественные поздравления в газетах⁶⁰ — всё принесло радость юбиляру, который заблаговременно позаботился о публикациях, посвященных его творческому пути, прибегнув и к литературной поддержке Ремизова⁶¹.

В богатый на «круглые даты» год Ремизов, не принимая участия в официальных празднествах, создал собственный альтернативный «комитет» по организации юбилеев известных литераторов. Его стараниями были опубликованы поздравительные очерки Л. Шестова, Вяч. Иванову, Д.С. Мережковскому и Б.К. Зайцеву. Все они оказались «увекоченными» в портретной галерее Ремизовых, отдельные шедевры которой попали на страницы немецкой, французской и русской периодической печати⁶². Самых близких — Шестова и Зайцева —

⁶⁰ Подробное описание торжественного заседания 13 декабря в парижском клубе «Очаг друзей русской культуры», с перечислением всех именитых гостей юбиляра и кратким конспектом их выступлений, представлено в статье Н.В. Вакара (Н.П.В. Чествование Б.К. Зайцева) // Последние новости. 1926. № 2092, 14 дек. С. 2). Из текста отчета следует, что среди заочных поздравлений Зайцева была прочитана поздравительная телеграмма от Ремизова, не присутствовавшего на этом литературном празднике.

⁶¹ При непосредственном участии юбиляра для немецкоязычной пражской газеты был написан биографический очерк: *Remisov A. Boris Saïzev / übers. V. Kositschek-Bronneck // Prager Presse (Dichtung und Welt, № 51). 1926. № 340, 12. Dez. S. II.*

⁶² Портреты Л. Шестова, Вяч. Иванова, Д.С. Мережковского, изображенные Серафимой Павловной (в «обрисовке» Ремизова), сопровождали публикацию очерка «Три юбиляра» на немецком языке: *Remisow A. Die Drei Jubilare (1866–1926) / übers. H. Ruoff // Die Literarische Welt. 1926. № 19, 7 Mai. S. 151.*

писатель почтил поздравительными грамотами Обезвельволпала⁶³, оставаясь при убеждении, что это фантомное общество сохраняло в условиях распространенной в эмиграции враждебности и лицемерия идеалы дружбы и творческой свободы.

Графика Ремизова и раньше пользовалась успехом в узком кругу друзей, но в 1927 г. его ждала встреча с широкой публикой. В берлинской галерее известного пропагандиста немецкого авангарда Х. Вальдена “Der Sturm”, одноименной его журналу, была организована первая персональная выставка рисунков писателя. Ровно за месяц до открытия экспозиции Вальден получил из Парижа более 100 графических работ. Художник Николай Зарецкий, дольше многих из соотечественников остававшийся жить в Берлине, искренний поклонник и пропагандист ремизовского таланта рисовальщика⁶⁴, посетив экспозицию еще до ее открытия, рассказал писателю, что галерист отвел под его графику «целую стену»⁶⁵. Вскоре берлинский корреспондент вспомнил о надвигающейся праздничной дате. В письме от 24 мая Зарецкий сообщил Ремизову, что собирается отметить его «юбилей этого года» поздравительными статьями для журналов “Der Sturm”, “Die Lessestunde” и «Жар-Птица» в сопровождении красочных иллюстраций, демонстрирующих уникальный диапазон его творчества⁶⁶.

На самом деле в ближайшей перспективе намечалось сразу два события, достойных торжеств: 6 июля Ремизову исполнялось 50 лет, а 8 сентября можно было бы отметить и 25 лет его литературного пути, начавшегося с публикации в 1902 г. стихотворения «Плач девушки перед замужеством» под псевдонимом Н. Молдаванов. Однако в ответном письме юбиляр категорически пресек доброжелательные намерения берлинского друга, объясняя отказ чувством изгоя, не нашедшего в парижской жизни ни признания, ни дружеской поддержки:

⁶³ См. описание юбилейной грамоты Л. Шестова: [17, с. 147–148]. Грамота Б.К. Зайцева была своевременно опубликована в рижском журнале: *Ремизов А. К предстоящему юбилею Б.К. Зайцева* // Новая нива. 1926. № 47, 4 дек. См. также републикацию шуточного документа: [7, с. 318].

⁶⁴ Предположительно, Зарецкий и художница О. Бродская написали заметку о сказочной поэтике ремизовской графики, экспонировавшейся в галерее “Der Sturm”: *Н.Б. Рисунки Алексея Ремизова в «Sturm’e»* // Руль. 1927. № 1987, 15 июня. С. 5.

⁶⁵ Amherst. Series. 1. B. 2. F. 8.

⁶⁶ Ibid.

26.5 <19>27

Paris

Дорогой Николай Васильевич.

Прошу Вас и умоляю: *не отмечайте никаких юбилеев!*⁶⁷ У меня вся душа против и мне всегда смешно, когда это делают другие. Если есть у вас желание сделать мне настоящее добро (а я верю), поговорите с Walden'ом (*не о юбилее*), а о самой Обезвельволпал'е и как это необходимо сохранить на страницах Sturm'a.

Точно также и Алекс<андру> Эдуар<довичу>⁶⁸ прошу Вас *не поминайте «юбилея»*; а опять-таки, как и с Walden'ом, о закреплении Обезвельволпал'a.

Николай Васильевич, Вы понимаете, что это хорошо, только НЕ ТУТ. У меня создались совсем другие отношения и ТАК соприкасаться я не имею никакого желания. <...> я живу здесь совсем отдельно: «изолировано», мои книги бойкотируются («Взвихренную Русь» боятся даже произносить)⁶⁹ и для меня имеет большое значение, когда закрепляют мое бытие на свете через мои книги иностранцы...⁷⁰

Таким образом, 1927 год можно было бы считать годом «забытого» юбилея писателя, оставленного вниманием друзей. Круг друзей и истинных ценителей его творчества, действительно, был невелик. На проверку о юбилее вспомнил только берлинский товарищ писателя Зарецкий. Однако численность окружения, разумеется, не является показателем подлинности. В истории критической рецепции вершинного произведения 1927 г. — романа «Взвихренная Русь» — автором едва ли не самого глубокого и предельно объективного литературоведческого исследования стал М.А. Осоргин, который, хотя и выполнял, как мы помним, редакционный заказ «Современных записок», написал и по совести, по велению сердца, и профессионально точно, раскрыв не только особенности художественной документальности новой прозы писателя, но и уникальный в своей творческой природе феномен автора. А начал критик статью с простой констатации, которая вносит поправку в субъективное ремизовское восприятие своего литератур-

⁶⁷ Выделенные курсивом слова подчеркнуты двойной чертой.

⁶⁸ А.Э. Коган — редактор-издатель журнала «Жар-Птица» (Берлин; Париж, 1921–1926).

⁶⁹ Ср. также письмо П.П. Сувчинскому с просьбой о публикации в журнале «Версть»: «Нельзя сделать объявление о выходе “Взвихр<енной> Руси”: книга бойкотируется и под запретом: в Последн<их> Новост<ях> Демидов, слушая З<инаиду> Н<иколаевну> Гиппиус»; в Возрождении Ходосевич <sic!>. Потому и прошу» (Bibliothèque nationale de France. 39609744; письмо от 26 июня 1927 г.).

⁷⁰ Литературный архив музея национальной литературы (Прага). Фонд Н.В. Зарецкого.

ного статуса. Писатель, живший, по его словам, «в затворе», был склонен воспринимать внешний мир как агрессивную и даже враждебную среду вынужденного существования, однако результат его литературного труда был очевидным:

Алексей Ремизов издал за границей (по-русски, не считая переводов) двадцать шесть книг. До этого, в России, он издал тридцать. <...> Это, конечно, рекорд писательской плодовитости нашего времени⁷¹.

Список литературы

1. Алексей Михайлович Ремизов: Библиография (1902–2020) / авт.-сост. Е. Обатнина, Е. Вахненко. URL: <http://pushkinskiydom.ru/remizov/Bibliografiay/index.html> (дата обращения 20.12.2020)
2. *Волков Н.* Мейерхольд: в 2 т. М.; Л.: Academia, 1929. Т. 1: 1874–1908. XI, 403 с.
3. *Гунтиус З.* Письма к Берберовой и Ходасевичу / ed. by E. Freiburger Sheikholelami. Ann Arbor: Ardis, 1978. 120 p.
4. *Грачева А.М.* Литературные мистификации А.М. Ремизова 1940-х годов // Русская литература. 2019. № 4. С. 191–199.
5. Джаз-банд и «левый театр»: Письма В.Я. Парнаха Вс.Э. Мейерхольду (1922–1930) / публ., вступ. ст. и коммент. О.Н. Купцовой // Мнемозина: Документы и факты из истории отечественного театра XX века. М.: Индрик, 2009. Вып. 4. С. 819–840.
6. *Елагин Ю.Б.* Темный гений: (Всеволод Мейерхольд). London: Overseas Publication Interchange Ltd., 1982. 453 с.
7. *Зайцев Б.* На Афон / вступ. ст. А.К. Клементьева. М.: Индрик, 2013. 414 с.
8. Исцеление для неизлечимых: Эпистолярный диалог Льва Шестова и Макса Эйтингона / сост. и подгот. текста В. Хазана и Е. Ильиной; вступ. ст. В. Хазана. М.: Водолей, 2014. 278 с.
9. *Кодрянская Н.* Алексей Ремизов. Париж, 1959. 334 с.
10. *Кузнецова Е.* «Издательское дело» Рахманинова в эмиграции // Музыкальная академия. 2018. № 1 (761). С. 22–31.
11. *Купцова О.Н.* Валентин Парнах в театре Мейерхольда: К истории театральных контактов Советской России и Запада 1920-х гг. // Новые российские гуманитарные исследования. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/303/> (дата обращения 12.10.2020).
12. Мейерхольд и Франция / публ., вступ. статья и коммент. О.Н. Купцовой // Мнемозина: Документы и факты из истории отечественного театра XX века. М.: Индрик, 2009. Вып. 4. С. 741–818.

⁷¹ *Мих. Ос.* Алексей Ремизов. Взвихренная Русь. Изд. «Таир». 1927 // Современные записки. 1927. Кн. XXXI, апр. С. 453–456.

13. На вечерней заре: письма А.М. Ремизова к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1910 год / вступ. статья и коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста А.С. Урюпиной // Русская литература. 2017. № 2. С. 56–94.
14. *Обатнина Е.Р.* Избранные страницы из альбома А.М. Ремизова «Зарубежная цензура»: политика и этика // Русская литература. 2020. № 3. С. 208–217.
15. *Обатнина Е.Р.* Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: 1926–1927 гг. Часть первая: «Эстето-разложенец» // Литературный факт. 2020. № (3) 17. С. 8–53.
16. *Парнах В.Я.* Пансион Мобер: Воспоминания / вступ. ст. П. Нерлера; публ. и коммент. П. Нерлера и А. Парнаха; подгот. текста П. Нерлера, Н. Поболя и О. Шамфаровой // Диаспора: Новые материалы. VII. Париж; СПб.: Athanaeum; Феникс, 2005. С. 7–91.
17. Переписка Л.И. Шестова с А.М. Ремизовым (окончание) / подгот. текста и примеч. И.Ф. Даниловой и А.А. Данилевского // Русская литература. 1994. № 2. С. 136–185.
18. Письма А.М. Ремизова к П.Е. Щеголеву. Ч. 2: Одесса. Херсон. Одесса. Киев (1903–1904) / публ. А.М. Грачевой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 153–205.
19. *Прокофьев С.* Дневник. Paris: SPRKFV, 2002. Т. 2: 1919–1933. 891 с.
20. *Резникова Н.В.* Огненная память: Воспоминания о Алексее Ремизове. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1980. 160 с.
21. *Ремизов А.М.* «На вечерней заре». Главы из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1921–1922 гг. (окончание) / коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Литературный факт. 2018. № 8. С. 8–67.
22. *Ремизов А.* Огонь вещей: Сны и предсонье / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Е.Р. Обатниной. СПб: Изд-во Ивана Лимбаха, 2005. 368 с.
23. *Ремизов А.М.* Собр. соч. М.; СПб.: Русская книга; Росток, 2000–2003, 2015–.
24. *Сомов К.* Дневник: 1923–1925 / вступ. ст., подгот. текста, коммент. П.С. Голубева. М.: Дмитрий Сечин, 2018. 716 с.
25. *Сомов К.* Дневник: 1926–1927 / предисл., подгот. текста, коммент., сост. приложения П.С. Голубева. М.: Дмитрий Сечин, 2019. 744 с.
26. *Флейшман Л.* В кругу ремизовских мистификаций: «Конклав» Саркофагского // Studies in Modern Russian and Polish Culture and Bibliography: Essays in Honor of Wojciech Zalewski. Stanford: Dept. of Slavic Languages and Literatures, Stanford University, 1999. P. 145–176.

Статья поступила в редакцию: 21.01.2020

Одобрена после рецензирования: 19.03.2020

Дата публикации: 25.12.2020

Research Article

Studies on A.M. Remizov's Creative Biography: 1926–1927. Part 2. Facts and Fables of Parisian Everyday Life

© 2020, Elena R. Obatnina

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Acknowledgements: The publication was financially supported by the Russian Scientific Fund, grant no 18-012-00035.

Abstract: The paper contains a description of several subjects from A.M. Remizov's biography of 1926–1927, non present in his autobiographical prose. Individual events that required additional verification were found in the epistolary heritage, as well as in the chronicle of the literary life abroad. Not only real, but also mythical cases from the writer's life are the subject of research. An episode related to the meeting between Remizov and Vsevolod Meyerhold in the period from 1926 to 1930, which still had no exact time reference, is considered for the first time; the participation of K.A. Somov in the publication of the novel *Vzvikhrennaya Rus'* (*Swirling Russia*) is discovered; the motives of Remizov's literary behavior on the pages of the émigré press are examined. The paper also presents vivid events of the writer's creative life, who in 1927, following his other literary peers, could have celebrated the 50th anniversary of his birth and 25 years of his literary life, but the feeling of literary loneliness forced him to abandon the anniversary.

Keywords: emigration; literary criticism; literary behavior; verification of biographical events.

Information about the author: Elena R. Obatnina, DSc in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarov Embankment, 4, 199034 St. Petersburg, Russia. E-mail: lena.eo@mail.ru

For citation: Obatnina, E.R. "Studies on A.M. Remizov's Creative Biography: 1926–1927. Part 2. Facts and Fables of Parisian Everyday Life." *Literaturnyi fakt*, no. 4 (18), 2020, pp. 8–39. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-8-39>

References

1. Aleksei Mikhailovich Remizov: *Bibliografiia (1902–2020)* [Alexei Mikhaylovich Remizov: *Bibliography (1902–2020)*], comp. by E. Obatnina, E. Vakhnenko. Available at: <http://pushkinskiydom.ru/remizov/Bibliografiay/index.html> (Accessed 20 December 2020). (In Russ.)
2. Volkov, N. *Meierkhol'd: v 2 t.* [Meyerhold: in 2 vols.], vol. 1: 1874–1908. Moscow, Leningrad, Academia Publ, 1929. XI, 403 p. (In Russ.)
3. Gippius, Z. *Pis'ma k Berberovoi i Khodasevichu* [Letters to Berberova and Khodasevich], ed. by E. Freiberger Shekholelami. Ann Arbor, Ardis Publ., 1978. 120 p. (In Russ.)

4. Gracheva, A.M. "Literaturnye mistifikatsii A.M. Remizova 1940-kh godov" ["A.M. Remizov's Literary Hoaxes of the 1940s"]. *Russkaia literatura*, no. 4, 2019, pp. 191–199. (In Russ.)
5. "Dzhaz-band i 'levyi teatr': Pis'ma V.Ia. Parnakha Vs.E. Meierkhol'du (1922–1930)" ["Jazz band and 'left-wing theatre': V.Ya. Parnakh's Letters to Meyerhold (1922–1930)"], publ., introd. and comm. by O.N. Kuptsova. *Mnemosina: Dokumenty i fakty iz istorii otechestvennogo teatra XX veka* [Mnemosyne: Documents and facts from the history of the Russian theater of the 20th century], issue 4. Moscow, Indrik Publ., 2009, pp. 819–840. (In Russ.)
6. Elagin, Iu.B. *Temnyi genii: (Vsevolod Meierkhol'd) [Dark Genius (Vsevolod Meyerhold)]*. London, Overseas Publication Interchange Ltd., 1982. 453 p. (In Russ.)
7. Zaitsev, B. *Na Afon [Up the Mount Athos]*, introd. by A.K. Klement'ev. Moscow, Indrik Publ., 2013. 414 p. (In Russ.)
8. *Istselenie dia neistselimykh: Epistoliarnyi dialog L'va Shestova i Maksa Eitingona [Healing for the Unhealable: An Epistolary Dialogue Between Lev Shestov and Max Eitingon]*, comp. and text prep. by V. Khazan and E. Ilyina, introd. by V. Khazan. Moscow, Vodolei Publ., 2014. 278 p. (In Russ.)
9. Kodrianskaia, N. *Aleksei Remizov [Alexei Remizov]*. Paris, 1959. 334 p. (In Russ.)
10. Kuznetsova, E. "'Izdatel'skoe delo' Rakhmaninova v emigratsii" ["Rachmaninoff's 'publishing business' abroad"]. *Muzykal'naiia akademiia*, no. 1 (761), 2018, pp. 22–31. (In Russ.)
11. Kuptsova, O.N. "Valentin Parnakh v teatre Meierkhol'da: K istorii teatral'nykh kontaktov Sovetskoï Rossii i Zapada 1920-kh gg." ["Valentin Parnakh at Meyerhold's Theater: On the History of Theater Contacts between Soviet Russia and the West in the 1920s"]. *Novye rossiiskie gumanitarnye issledovaniia*. Available at: <http://www.nrgumis.ru/articles/303/> (Accessed 12 October 2020). (In Russ.)
12. "Meierkhol'd i Frantsiia" ["Meyerhold and France"], publ., introd. and comm. by O.N. Kuptsova. *Mnemosina: Dokumenty i fakty iz istorii otechestvennogo teatra XX veka* [Mnemosyne: Documents and facts from the history of the Russian theater of the 20th century], issue 4. Moscow, Indrik Publ., 2009, pp. 741–818. (In Russ.)
13. "Na vechernei zare: pis'ma A.M. Remizova k S.P. Remizovoi-Dovgello. 1910 god" ["At the Evening Dawn: A.M. Remizov's letters to S.P. Remizova-Dovgello"], introd. and comm. by E.R. Obatnina, text prep. by A.S. Uriupina. *Russkaia literatura*, no. 2, 2017, pp. 56–94. (In Russ.)
14. Obatnina, E.R. "Izbrannye stranitsy iz al'boma A.M. Remizova 'Zarubezhnaia tsenzura': politika i etika" ["Selected Pages from A.M. Remizov's Album 'Foreign Censorship': Politics and Ethics"]. *Russkaia literatura*, no. 3, 2020, pp. 208–217. (In Russ.)
15. Obatnina, E.R. "Etiudy k tvorcheskoi biografii A.M. Remizova: 1926–1927 gg. Chast' pervaiia: 'Esteto-razlozhenets'." ["Studies on A.M. Remizov's Creative Biography: 1926–1927. Part 1. 'Aesthete-Degenerate'."]. *Literaturnyi fakt*, no. 3 (17), 2020, pp. 8–53. (In Russ.)
16. Parnakh, V.Ia. "Pansion Mober: Vospominaniia" ["The Maubert Boarding House: Memoirs"], introd. by P. Nerler, publ. and comm. by P. Nerler and A. Parnakh, text prep. by P. Nerler, N. Pobol and O. Shamfarova. *Diaspora: Novye materialy [Diaspora: New Materials]*, issue 7. Paris, St. Petersburg, Athenaeum Publ., Feniks Publ., 2005, pp. 7–91. (In Russ.)
17. "Perepiska L.I. Shestova s A.M. Remizovym" (okonchanie) ["Correspondence Between L.I. Shestov and A.M. Remizov" (conclusion)], text prep. and notes by I.F. Danilova and A.A. Danilevsky. *Russkaia literatura*, no. 2, 1994, pp. 136–185. (In Russ.)
18. "Pis'ma A.M. Remizova k P.E. Shchegolevu. Ch. 2: Odessa. Kherson. Odessa. Kiev (1903–1904)" ["A.M. Remizov's Letters to P.E. Shchegolev. Part 2: Odessa. Kherson. Odessa. Kiev (1903–1904)"] ["A.M. Remizov's Letters to P.E. Shchegolev. Part 2: Odessa. Kherson. Odessa. Kiev (1903–1904)"]

Kiev (1903–1904)”, publ. by A.M. Gracheva. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1997 god* [*Pushkin House Manuscript Department Annual for 1997*]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2002, pp. 153–205. (In Russ.)

19. Prokof'ev, S. *Dnevnik* [*Diary*], vol. 2: 1919–1933. Paris, SPRKVV Publ., 2002. 891 p. (In Russ.)

20. Reznikova, N.V. *Ognennaiia pamiat': Vospominaniia o Aleksee Remizove* [*Fiery memory: Memoirs of Alexei Remizov*]. Berkeley, Berkeley Slavic Specialties, 1980. 160 p. (In Russ.)

21. Remizov, A.M. “‘Na vechernei zare’. Glavy iz rukopisi; Pis'ma k S.P. Remizovoi-Dovgello. 1921–1922 gg.” (okonchanie) [“‘At the Evening Dawn’. Chapters from the Manuscript; Letters to S.P. Remizova-Dovgello. 1921–1922” (conclusion)], comm. by E.R. Obatnina, text prep. by E.R. Obatnina and A.S. Uryupina. *Literaturnyi fakt*, no. 8, 2018, pp. 8–67. (In Russ.)

22. Remizov, A. *Ogon' veshchei: Sny i predson'e* [*Fire of Things: Sleep and Pre-sleep*], comp., text prep., introd. and comm. by E.R. Obatnina. St. Petersburg, Izd-vo Ivana Limbakha Publ., 2005. 368 p. (In Russ.)

23. Remizov, A.M. *Sobranie sochinenii* [*Collected Works*]. Moscow, St. Petersburg, Russkaia kniga Publ., Rostok Publ., 2000–2003, 2015–. (In Russ.)

24. Somov, K. *Dnevnik: 1923–1925* [*Diary: 1923–1925*], introd., text prep., comm. by P.S. Golubev. Moscow, Dmitrii Sechin Publ., 2018. 716 p. (In Russ.)

25. Somov, K. *Dnevnik: 1926–1927* [*Diary: 1926–1927*], introd., text prep., comm., appendix by P.S. Golubev. Moscow, Dmitrii Sechin Publ., 2019. 744 p. (In Russ.)

26. Fleishman, L. “‘V krugu remizovskikh mistifikatsii: ‘Konklav’ Sarkofagskogo” [“‘Among Remizov’s Hoaxes: Sarkofagsky’s ‘Conclave.’”]. *Studies in Modern Russian and Polish Culture and Bibliography: Essays in Honor of Wojciech Zalewski*. Stanford, Dept. of Slavic Languages and Literatures, Stanford University, 1999, pp. 145–176. (In Russ.)

The article was submitted: 21.01.2020

Approved after reviewing: 19.03.2020

Date of publication: 25.12.2020